

Бай По невольно окинул сидевшего напротив мужчину долгим подозрительным взглядом. Спрашивать, что именно скрывалось за его двусмысленным замечанием, юноша не решился, а потому поспешил перевести разговор на другую тему:

— Куда мы держим путь дальше?

Ван Шо с явным интересом посмотрел на спутника. Лишь когда Бай По окончательно заерзал под этим пристальным прищуром, принц снисходительно улыбнулся:

— В Великой Чжоу сейчас время редких празднеств. На реке Цинъю как раз устраивают состязание лучших куртизанок. Не хочешь взглянуть?

— Нет! — без колебаний отрезал Бай По.

Кто знает, что затеял этот негодяй. Идти у него на поводу юноша точно не собирался. Видя столь решительный отказ, Ван Шо лишь негромко рассмеялся и покачал головой, не став ничего объяснять. Впрочем, его согласие или несогласие мало что меняло — права голоса у Бай По всё равно не было.

В последующие дни пути Ван Шо неукоснительно придерживался этого правила. Как бы Бай По ни бунтовал, как бы ни пытался казаться покорным, последнее слово всегда оставалось за принцем. Если Ван Шо решал ехать среди ночи, сонного юношу бесцеремонно вытаскивали из постели и заталкивали в экипаж. Или, к примеру, если Бай По всей душой ненавидел зелень, стоило Ван Шо пожелать — и пиала наполнялась тушеной травой, которую приходилось давясь глотать ложка за ложкой под его бдительным взором.

Всего за несколько дней такой жизни Бай По не раз ловил себя на безумной мысли: ещё немного, и он сорвётся. Ринется в бой, наплюет на последствия, пусть даже шансы на победу ничтожно малы.

Он до сих пор толком не понимал, кто такой Ван Шо и скрывается ли где-то поблизости его тайная охрана — ведь в пути они были только вдвоём. Тогда, в военном лагере, приняв на себя удар вражеского офицера, Бай По потревожил Иглы Запечатывания Души. После нескольких дней вынужденного лечения ему полегчало. Иглы всё ещё сидели шатко, но хотя бы перестали изводить его непрерывной мукой.

Как только боль утихла, к нему вернулась способность здраво рассуждать. Они миновали последний на их пути городок. Теперь до самой императорской столицы, Нэцзина, тянулись глухие леса, и лишь у заставы Линчэн можно было надеяться на ночлег под крышей. Это означало, что им предстояло жить под открытым небом — перспектива для Бай По поистине удручающая. Но если и существовало нечто, способное сделать это испытание ещё более невыносимым, то это был тошнотворный запах, исходивший от бурлящего неподалёку котелка.

Бай По зажал нос, с глубоким отвращением глядя на котелок над костром, а затем медленно

перевёл полный злобы взгляд на стоявшего рядом мужчину. Ван Шо возился у огня с пресерьезным видом. Юноша был уверен: тот просто издевается над ним. Последние дни этот мерзавец без умолку твердил о восстановлении его сил и заставлял пить немыслимое варево. Одному Владыке Пути известно, из каких жутких кореньев оно варилось. Мало того что настой выглядел мерзко и пах помоями, так он ещё и вязал рот невыносимой, выедающей язык горечью.

Бай По сверлил котелок глазами, чувствуя, как внутри закипает ярость. Для себя он всё решил: если Ван Шо сегодня попытается влить в него эту дрянь, он устроит бунт. Но мужчина, очевидно, не уловил безмолвного гнева спутника. Когда зловоние достигло пика, Ван Шо взял из рук возницы пиалу, зачерпнул варево до самых краёв и неторопливо направился к юноше.

Ван Шо прекрасно чувствовал на себе испепеляющий взгляд, и это вызывало у него едва заметную усмешку. Кто бы мог подумать, что этот грозный юноша в душе сущий ребёнок? Обычное целебное снадобье вызывало у него такую бурю эмоций, будто его заставляли пить яд.

Принц великодушно присел рядом с ним на корточки и протянул пиалу:

— Пей.

— Не буду! — огрызнулся Бай По.

Каждый день начинался с этой сцены. Обычно стоило Ван Шо настойчивее пододвинуть лекарство ближе, как юноша со злым, обиженным видом хватал посудину и осушал её залпом.

Но сегодня упрямство взяло верх. Сидя на траве, Бай По лишь мазнул взглядом по исходящей паром жиже и молниеносным движением выбил чашу из рук принца. Глиняный сосуд отлетел в сторону, обжигающий тёмный отвар хлынул на землю. Там, куда попали горячие брызги, сочная зелёная трава мгновенно съёжилась и пожухла.

Ван Шо недобро прищурился, и в его взгляде промелькнуло раздражение. Ещё до того, как брызги коснулись земли, он неуловимым движением скользнул в сторону, не позволив ни единой капле испачкать свои одежды. Бай По же даже не подумал уклониться — на его белом подоле расплылись грязные бурые пятна.

Внезапная вспышка привлекла внимание кучера, который сидел у повозки и мирно жевал сухую пышку. Приподняв потрепанную бамбуковую шляпу, из-под которой во все стороны торчали похожие на солому волосы, он осторожно высунулся из-за экипажа. Вдалеке на земле сидел юноша в белом, а перед ним высилась тёмная, неподвижная фигура принца. Ван Шо стоял спиной к вознице, скрывая лицо, но сама его поза не предвещала ничего хорошего.

Даже на расстоянии кучер нутром почуял волну леденящей ярости, исходившую от господина. Взглянув на катающуюся по пыли чашу, Чэнь Чжун с трудом протолкнул застрявший в горле кусок, судорожно сглотнул и поспешно спрятался обратно за фургон.

Чэнь Чжун за последние дни натерпелся столько, что сердце уходило в пятки. Видеть, как его грозный господин лично, без чьей-либо помощи, ухаживает за кем-то — это само по себе граничило с безумием. Но этот мальчишка превзошел все границы дерзости! Мало того что капризничал по любому поводу, так теперь ещё и вылил целебный отвар, который хозяин бережно варил на медленном огне больше часа.

«Какая неблагодарная тварь!» — мысленно возмутился слуга.

Почувствовав, как сгущается висевшая в воздухе грозовая аура, он, словно напуганная черепаха, вжал голову в плечи и пониже нахлобучил шляпу.

Лицо Ван Шо превратилось в холодную маску. Бай По упрямо вскинул подбородок, встречаясь с ним взглядом. В глазах юноши читался вызов, за которым едва угадывался затаённый страх. Мужчина долго молчал, он помрачнел, отражая внутреннюю бурю. Наконец он глухо произнёс два коротких слова:

— Осознал ошибку?

— И не подумаю! — звонко и дерзко отрезал Бай По.

От этого крика Чэнь Чжун, затаившийся за повозкой, снова судорожно сглотнул. Он был уверен: малец окончательно лишился рассудка. Каким бы безграничным ни казалось терпение господина, этой выходки он точно не спустит.

И действительно, едва прозвучал ответ, как Ван Шо сделал широкий шаг вперед. Сдерживаемый доселе гнев мгновенно вырвался наружу.

На миг Бай По оробел. Стоящий перед ним мужчина походил на разъярённого хищника, готового разорвать добычу. Тяжёлая, давящая аура навалилась на плечи, но мгновенный испуг тут же сменился врожденной гордостью. Не желая преклонять колени, юноша резко вскочил и, словно ошестинившийся зверь, уставился на противника.

Ван Шо не стал тратить слова. Он резко взмахнул широким рукавом, высвобождая сокрушительный поток внутренней силы. Бай По, уловив смертельную опасность, рванулся в сторону. Зловещий порыв ветра пронёсся мимо и врезался в вековой дуб за его спиной. Раздался оглушительный треск — могучий ствол разлетелся в щепки, и гигантское дерево с грохотом рухнуло, увлекая за собой соседние ветви. Бай По с яростью уставился на груды обломков.

«Он что, действительно решил меня прикончить?!»

Ветви падали, вздымая тучи сухой хвои и пыли, ветер трепал белоснежные полы его халата. Лицо юноши исказилось от ярости. Вместо того чтобы бежать, он ринулся вперёд, целясь

прямо в стоявшего с бесстрастным видом принца. В мгновение ока они обменялись десятком стремительных ударов. Их движения были настолько быстрыми, что Чэнь Чжун, наблюдавший издалека, едва успевал следить за ними глазами. От недавней слабости Бай По не осталось и следа: он атаковал яростно, нанося точные, смертоносные удары и уклоняясь по самой причудливой, рваной траектории.

Однако Ван Шо двигался ещё быстрее, словно заранее знал каждый шаг противника. Он легко уходил от выпадов, лишь изредка лениво отбивая удары и заставляя юношу отступать. Бай По, чьи духовные силы были наполовину запечатаны, быстро выдохся. Противостоять мощи принца на равных он не мог. Ван Шо улучил мгновение, перехватил запястья юноши и сильным рывком сорвал с дерева толстую лиану. Пара молниеносных движений — и руки пленника оказались намертво связаны. Затем принц взмыл в воздух и с легким изяществом подвесил брыкающегося бунтаря к толстой ветви.

Бай По понимал, что уступает в силе, но не ожидал, что Ван Шо обойдется с ним столь унижительно, подвесив на высоте трех человеческих ростов, точно какой-то мешок с зерном. Болтающийся вниз головой юноша сквозь пелену прилившей к лицу крови видел лишь фигуру принца. Тот стоял внизу, заведя руки за спину, и молча смотрел на него. На его лице не отражалось ни гнева, ни торжества — только бесконечный, холодный покой.

<http://bllate.org/book/18409/1893207>